

Славяноведение, 2024, № 6, с. 22–33

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 6, pp. 22–33

DOI: 10.31857/S0869544X24060022, EDN: XHDYBR

Оригинальная статья / Original Article

Лексические раритеты этнокультурного пограничья

© 2024 г. О.В. Белова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

olgabelova.inslav@gmail.com

Аннотация. В статье предложен анализialectных лексических примеров, зафиксированных в архивных материалах рубежа XIX–XX вв. и конца XX в., и уточняется их бытование в современных говорах русско-белорусского пограничья. Исследуемый регион представляет собой сложно структурированный в пространственном плане ареал, где существуют разные этноязыковые и этнокультурные традиции. Для исследования выбраны несколько примеров из фондов архивов Смоленской области: фраземы, хрононимы, названия персонажей народной демонологии и термины, связанные с магическими ритуалами. Подобные «лексические раритеты», культурная семантика которых представляет интерес для этнолингвистов, диалектологов, фольклористов, также являются маркерами, благодаря которым современный исследователь может фиксировать границы dialectных микроареалов, уточнять географию бытования лексических единиц при утрате их этнографического контекста (например, обряда).

Ключевые слова: этнолингвистика, язык народной культуры, лингвистическая география, русско-белорусское этнокультурное пограничье, хрононимы, мифонимы, лексика традиционной обрядности.

Ссылка для цитирования: Белова О.В. Лексические раритеты этнокультурного пограничья // Славяноведение. 2024. № 6. С. 22–33. DOI: 10.31857/S0869544X24060022, EDN: XHDYBR

Lexical Rarities of the Ethnic Cultural Borderland

© 2024. Olga V. Belova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

olgabelova.inslav@gmail.com

Abstract. The article offers an analysis of dialect lexical examples from the archival materials of the turn of the 19th–20th centuries and the end of the 20th century. The author's aim is to clarify their existence in modern dialects of the Russian-Belarusian borderland. The region under study is a spatially complexly structured area where different ethnic, language and cultural traditions coexist. Several examples from the

archives of the Smolensk region were selected for the study: phrasemes, chrononyms, names of folk demonology characters and terms related to magical rituals. Such “lexical rarities”, the cultural semantics of which are of interest to ethnolinguists, dialectologists, and folklorists, are also markers thanks to which a modern researcher can fix the boundaries of dialect microareals, clarify the geography of the existence of lexical units with the loss of their ethnographic context (for example, folk ritual).

Keywords: ethnolinguistics, the language of folk culture, linguistic geography, Russian-Belarusian ethnic cultural borderland, chrononyms, names of folk demonology characters, vocabulary of traditional rituals.

For citation: Olga V. Belova. Lexical Rarities of the Ethnic Cultural Borderland // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 6. P. 22–33. DOI: 10.31857/S0869544X24060022, EDN: XHDYBR

Статья является продолжением исследования лексики народной культуры русско-белорусского пограничья, зафиксированной в этнографических и лексикографических источниках XIX–XX вв., отражающих, в первую очередь, традиции сопредельных смоленского и витебского регионов. Ценный материал подобного рода находится в архивных фондах Государственного архива Смоленской области (ГАСО) и в Архиве Литературного музея Смоленского государственного университета (фонд «Фольклор Смоленщины») (АЛМ СмолГУ), значительная часть которого еще не введена в научный оборот. В одной из работ мы уже обращались к материалам из ГАСО, анализируя семантику и географию бытования таких регионализмов, как *затеи* ‘мн. ч. распорядок’, *боговать* ‘думать, размышлять’, *протасеи* ‘хоругви’, *рученец* ‘12-дневный срок после рождения домашнего животного’ [Белова 2023, 169–171].

Исследования и выводы С.М. Толстой и Т.И. Вендиной в области типологии конкретных славянских лексических ареалов, ареального распространения лексем, соотнесенности литературных и диалектных форм в одном пространстве, соотношения диалектного и литературного элемента в разных пластах славянской лексики [Толстая 2019, 577–588; Вендина 2014, 255–306, 307–338] вдохновляют на продолжение работы в этом направлении. Предложенная типология ареалов (в том числе цельные, разорванные, клинообразные – по С.М. Толстой [Толстая 2019, 581–582], ограниченные, островные, микроареалы – по Т.И. Вендиной [Вендина 2014, 308–313]) чрезвычайно важна для исследований лексики русско-белорусского пограничья, которое представляет собой сложно структурированный в пространственном плане ареал, где существуют разные этноязыковые традиции. Учитывая указанные работы, особое внимание уделено лексическим раритетам¹, культурная семантика которых представляет интерес для этнолингвистов, диалектологов, фольклористов.

В этой статье рассмотрены лексические примеры, зафиксированные в архивных материалах рубежа XIX–XX вв. и конца XX в., уточнено их бытование в современных говорах русско-белорусского пограничья.

В Государственном архиве Смоленской области (ГАСО) в фонде 391 (Орловский Иван Иванович) находятся описания сел уездов Смоленской губернии, выполненные приходскими священниками, откликнувшимися на призыв смоленского историка и краеведа И.И. Орловского (1869–1909) составить подробное описание Смоленской епархии. Для современного исследователя «словарные»

¹ Ср. предложенные Т.И. Вендиной понятия «эксклюзивные лексемы», «эксклюзивы славянских языков», определяющие «портретное» своеобразие диалектов славянских языков [Вендина 2014, 255, 287].

материалы из фонда Орловского интересны не только как тексты, отражающие языковую ситуацию на русско-белорусском пограничье, но и как образцы межкультурной коммуникации между собирателями и носителями говора.

Урожайная женщина

В словарной подборке из с. Язвено Ельинского уезда, составленной священником Павлом Юденичем (1904 г.), отмечена фразеологическая единица, передающая образность народной речи: «урожайная женщина (здоровая, полная)»².

Эпитет *урожайный* применительно к человеку не является общераспространенным, в отличие, например, от характеристики плодородных природных объектов или благоприятных сезонов, ср.: рус. *урожайная земля, урожайная культура, урожайная пшеница, урожайная ягода, урожайная пора, урожайный год*³; ср. также рус. диал. *урожайливый, урождистый, урожительный*⁴. Сходная картина вырисовывается по материалам ассоциативных связей в восточнославянских языках⁵.

Урожайный как физическая характеристика живого существа однократно зафиксировано на Русском Севере: *урожайная корова ‘высокоудойная’* («Много и коров, да коровы урожайны таки. Пудож. Карел.»)⁶.

Что же касается значения ‘ здоровый, полный, крепкий’ по отношению к человеку, в смоленском регионе оно, согласно современным данным, локализуется в Кардымовском и Руднянском районах: «Урожайный – упитанный, крепкий (о ребенке) – Урыжайный мальчик, урыжайная девычка, Раньши уси дети урыжайны были, а тяперя уси бальныи какии-та»⁷. Данную характеристику можно соотнести с рус. диал. *урода ‘рост, стан, статная наружность’*⁸.

Заламывать/заламливать залом и служить заклятной молебен

Священник Георгий Чернавский (с. Песочня Ельинского уезда, 1904 г.), перечисляя народные вредоносные магические практики, наряду с отбирианием молока и наведением порчи на людей и скот отметил обычай оставлять на полях заломы (злонамеренно скрученные стебли злаков):

Верять, что есть люди, которые отнимают молоко у коровъ, портятъ людей и скотъ, заламливаютъ заломъ во ржи, если кто по неосторожности сожнеть его, тотъ будетъ калекою, а чтобы избавиться отъ него, просятъ священника отслужить на местѣ залома заклятной молебень, и священникъ выдергиваетъ его крестомъ⁹.

Обезвредить залом можно было, отслужив в поле заклятной молебен. Подобное обозначение фиксирует В.Н. Добровольский в «Смоленском областном словаре» (наряду с выражением *заклятная молитва*): «Заклятѣй молебен – молебен против нечистой силы. Батюшка служіў заклятѣй молебин. Заклятная молитва – молитва об изгнании злых духов»¹⁰.

² ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. За. Л. 84об.

³ СТСРР 2007 (https://syn_tesaurus.academic.ru/3906/урожайный, https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonyms/186253/урожайный); *Ожегов*, 745; МАС 4, 513 и др.

⁴ СРНГ 47, 346, 347, 348.

⁵ Уфимцева и др. 2004, 359, 490, 734.

⁶ СРНГ 47, 346–347.

⁷ ССГ 11, 25.

⁸ Даль 4, 508 (с пометами зап. и южн.). Ср. бел. витеб. *урадлівы, ўрадлівы ‘урожайный’ и ‘красивый’* (Касцяровіч 1927 (2011), 322).

⁹ ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. За. Л. 43–43об. Здесь и далее сохраняется орфография оригинала.

¹⁰ Добровольский 1914, 239. Ср. бел. витеб. *заклѣты ‘заклятый, заколдованный’* (Касцяровіч 1927 (2011), 118); ср. также в Сенненской районе Витебской области: «ЗАКЛЯТЫ прым. Пракляты. Цяпёрыны заклѧты, чарцей таму нямá, што малéнкія рыбáта і жанічыны ругáюща, усá зямля заклѧтая, і их на стáла» (СС 1, 180).

Свидетельство Добровольского подтверждает, что заклятной молебен был направлен не просто на избавление от опасного «артефакта», но являлся способом защиты от деятельности пособников нечистой силы – колдунов и ведьм.

О заломах и устраивающих их ведьмах-сороках сообщал также священник Алексей Барсов из д. Незнаново Рославльского уезда (1904 г.):

Например, въдьмы (старыя женщины) будто бы ночью обращаются въ сорок¹¹ и летая по полямъ (безъ сомненія заклятымъ) заламываютъ такъ называемы заломы или куклы изъ хлѣба на нивѣ человѣка, на котораго сердиты – и будто это семейство или скотъ, принадлежащій этому же семейству, только съѣсть этотъ заломъ и вообще весь хлѣбъ съ этой нивы, непременно должны умереть. Узнавъ о таковомъ страшномъ несчастіи, хозяинъ той нивы, на которой найденъ заломъ, немѣдленно объявляетъ Священнику. Священникъ дѣлаетъ крестный ходъ (а иногда и безъ онаго) съ хоругвями и животворящимъ крестомъ на ниву, гдѣ заломъ, совершаеть тамъ водоосвѧщеніе, окропляетъ святою водою мѣсто, вырываетъ крестомъ заломъ, потомъ въ самую средину, гдѣ былъ заломъ, какъ бы въ сердце той въдьмы, которая дѣлала его, вбиваютъ осиновый коль, обложенный навозомъ, – и все вмѣстѣ и заломъ и коль сжигаютъ¹².

Как следует из этого описания, средством обезвредить залом в Рославльском уезде тоже считался молебен с водосвятым, «подкрепленный» вбиванием осинового кола на месте залома.

На Смоленщине термин залом и выражение заломы заломлять фиксируется на протяжении последнего столетия, в том числе благодаря бытованию фольклорных «религиозных» произведений – об этом свидетельствуют примеры из материалов В.Н. Добровольского, где в качестве контекста приводятся фрагменты из ритмизованного перечня тяжких грехов, которые несет на себе «грешная душа»: «Залом – колосья, спутанные на ниве колдуном, с целью повредить урожаю. Я па полюшку ходіў и заломы заламляў, да и спор вынимай, А людей галодных астайліяў¹³; «Заломы заламлять – известный способ колдовства на растущем хлебе на поле»¹⁴; «Знахыри заломы делають»¹⁵. «Залом – не сколько стеблей ржи или пшеницы, перевитых с целью како-либо колдовства. А кали залом хто найдеть у жыти, то знай – ня быть дабру»¹⁶.

Представления о заломах (как о спутанных колосьях, так и о способе колдовства) бытуют и на сопредельных белорусских территориях, см. свидетельство из Бешенковичского района Витебской области: «У нашым жице сёлета заломы»¹⁷. В Лиозненском районе известен термин заломицца ‘колдунья делающая «заломы»’¹⁸.

Отметим, что в описании из Рославльского уезда приводится еще одно название залома – кукла. Аналогичные названия, согласно словарю Даля и СРНГ, отмечены в орловском и калужском регионах: «Кукла – завой колосьев

¹¹ Поверье, что в сорок обращаются ведьмы, распространены в разных областях славянского мира (восточные славяне, поляки, лужичане), см. Гура 1997, 556–557. Локальное свидетельство со Смоленщины (русско-белорусское пограничье) дополняет географию бытования этого поверья.

¹² ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 4. Л. 184–184 об.

¹³ Добровольский 1914, 242. Ср.: грѣшная душа «ина па чистинѣким полюшку хадила, А заломы и ў житушку заламляла, Во и спор ў хлебушку атбирала, А галодных людей астанавляла» (Смоленский уезд) (Добровольский 1903, 167).

¹⁴ Добровольский 1914, 242.

¹⁵ Добровольский 1891, 85 (далее приводится рассказ о том, как женщина сжала оставленный в поле залом, и ее муж заболел).

¹⁶ ССГ 4, 84. Термин зафиксирован в Смоленском и Новодугинском районах.

¹⁷ Каспярович 1927 (2011), 119–120. Ср. заломак в говорах северо-западной Беларуси – СБГПЗБ 2, 226–227.

¹⁸ Там же, 120.

знахарем, колдуном на порчу и гибель того, кто снимет куклу»¹⁹; «Кукла 11 – пучок заломленных и связанных особым образом колосьев ржи или овса, вызывающий, по суеверным представлениям, гибель, порчу скота, хлеба и т.п.»²⁰. На северо-западе Беларуси, в Гродненской области, термин *кукла* (Ивьевский р-н) также может относиться к вредоносному залому, являясь синонимом к слову *кузла* (Поставский р-н): «Кукла 4 – Нехта закруціў куклу ў жыця, мусіць, нешта заваражыў, кап ты галавой налажыў»²¹. Имеется также интересный пример (без указания точного места записи – возможно, Дятловский р-н Гродненской области?), в котором создание залома (*куклы*) напрямую атрибуировано ведьме: «Кукла. 1. Залом /Ни руш гетай куклы, куклы ведзьма завазала у жыци/»²².

В белорусских говорах спорадически (Минская, Гомельская области) фиксируется термин *кукла* как название жатвенного обряда «борода»²³. В говорах Центральной Беларуси (Минская область), на витебско-смоленском и гомельско-брянском пограничье, а также на Смоленщине (Ернический, Починковский р-ны) *кукла* встречается в значении ‘пучок льна’²⁴.

Кривая неделя

В сообщении священника Михаила Юденича (с. Вежники Рославльского уезда, 1904 г.) перечисляются запреты на разные виды работ (в основном связанные с кручением, верчением, плетением), приуроченные к так называемым *сплошным неделям*²⁵.

Много суевърій у крестьян: во всѣ сплошныя недѣлі до среды нельзя ничего крутить, напр. плести лапти, вить веревки и пр., прясть нельзя въ пятницу; во всѣ Святки старое поправлять нельзя; оть Пасхи до Вознесенія – вечеромъ огня не зажигать; в недѣлю предь Духовскимъ днемъ (кривую) нельзя ничего крутить, т.е. работать съ верчениемъ; если же въ указанные дни будешь что ниб.[уды] крутить, то в хозяйствѣ появится уродъ и тогда в Крещенскую коляду нужно переделать работу. Подъ Вел.[икий] Четвергъ вечеромъ крестьянки выносят подъ крышу мыло, воду и соль, утромъ въ четвергъ снимаютъ и берегутъ въ теченіи года какъ вѣрнѣйшее средство отъ суроць (дурного глаза)²⁶.

В этом сообщении привлекает внимание народное название недели перед Духовым днем (перед Троицей) – *кривая*. Семантика хрононимов с корнем *-крив-* подробно описана С.М. Толстой [Толстая 1998]. Благодаря этой работе локальный хрононим может быть представлен на более широком фоне соседних традиций.

По наблюдениям С.М. Толстой, в белорусской и западнорусской традиции термин *кривая неделя* может относиться к Святкам, Масленице, Духовской (Троицкой, Русальной) неделе; к этому времени приурочены запреты «чинить старое, городить изгородь, вить, поправлять в колесах» [Там же, 221]. Ср. другие названия «*кривых*» недель, например, в Полесье: *каляды, масленая и усередная* – кривые, опасные недели (гомел. ветков.), *Середняя, середная*

¹⁹ Даль 2, 213. Синонимами выступают: *зáвертка, зáкрутка, закрúта*. Ср. в белорусских говорах (минско-гомельское пограничье): *закрутяя, закрутня, завітак* (Азим-заде 1976, 58).

²⁰ СРНГ 16, 36.

²¹ СБГПЗБ 2, 561, ср. также с. 558–559.

²² Азим-заде 1976, 62.

²³ ЛАБНГ 3, карта № 270. Подробнее об ареальном распространении наименования *кукла* в значении «борода» на территории Беларуси см.: Антропов 2008, 34–35.

²⁴ ЛАБНГ 4, карта № 150; ССГ 5, 125.

²⁵ Сплошные седмицы – недели, в которые отменен пост в среду и пятницу, они же *всеедные*; в них входят: Рождественские святки, Всеядная неделя (Седмица о мытаре и фарисее), Сырная седмица, Светлая седмица, Троицкая седмица.

²⁶ ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 4. Л. 46.

неделя — третья от конца мяса перед Великим постом (житомир. олев., овруч.; ровен. рокитн.), *Всеедная, Всередная* неделя (брест. столин.; ровен. дубровиц.)²⁷.

На Смоленщине к «кривым» относится еще и пасхальная неделя: «Кривые недели — две недели Святок, Святая неделя после Христова дня, Духовская и масляница»²⁸. Но, как следует из сообщения из Рославльского уезда, в этой микролокальной традиции *кривой* называется неделя перед Духовым (Духовским) днем, то есть *Семицкая* неделя, предшествующая Троице. Хотя толкование термина, предложенное в ССГ, говорит, что в ряде районов Смоленской области (Смоленский, Монастырщинский, Починковский, Краснинский, Хиславичский) *кривая неделя* — это неделя после Духова дня, заметим, однако, что из приведенных в ССГ примеров совсем не следует, что речь идет о периоде после Духова дня²⁹.

В продолжение темы о «точечных сюжетах» (ранее была рассмотрена типология и география фольклорных сюжетов и мотивов, связанных с локальными персонажами народной демонологии и специфика их бытования на русско-белорусском пограничье) [Белова 2018] приведем несколько лексем, относящихся к области народно-мифологических представлений.

Рахманный

В 1864 г. на страницах газеты «Смоленские губернские ведомости» Н. Ельчанинов публикует «Краткий сборник местного крестьянского наречия в Бельском уезде». Некоторые особенности этой словарной подборки уже рассматривались в одной из публикаций [Белова 2023, 165–169]. Здесь же обратим внимание лишь на одну пару лексем: «*Рахманный – смирный*» [Там же, 168].

Западнорусское диалектное *рахманный*, а также бел. *рахманы*, ст.-бел. *рахманный, рохманый*, укр. *рахманий* имеют ряд схожих значений: ‘тихий’, ‘смирный’, ‘спокойный’, ‘покладистый’ (ср. также пол. *rochmannu* ‘о ручном звере’)³⁰. В говорах Смоленщины *рахмáный* ‘смирный, спокойный (о животных); тихий, смирный, кроткий (о людях), не бойкий, нерасторопный, вялый’; *рахмáнина* ‘о смиренном спокойном человеке’; *рахманю́га* ‘о смиренном спокойном человеке’; *рахмáно* ‘тихо, спокойно’³¹. В Мстиславльском районе Могилевской области *рахмáный* также означает ‘тихий, спокойный’: «Твой сын такей рахманы, што нікому і вады ні замуціць»³².

Отмечая большую семантическую близость эпитета *рахманный* к *блаженны*, А.Ф. Журавлев указывает на факт заимствования слова из греч. *βράχμανοι* ‘брахманы’ и распространение его под влиянием книжных памятников — сказаний об Александре Македонском и др. [Журавлев 2005, 451–452]³³. Добавим, что сведения о мифическом блаженном народе рахманов (*рахмани, рохманы*,

²⁷ Толстая 2005, 56–57, 128, 229.

²⁸ Добровольский 1914, 359.

²⁹ ССГ 5, 106.

³⁰ См.: ЭСБМ 11, 153. Согласно наблюдениям А.Ф. Журавлева (с опорой на словарь Даля), значения рус. диал. *рахманный* по регионам находятся в дополнительном распределении: ‘на юго-зап. и ю.-вост. от Москвы ‘вялый, хилый, неразвязный; смирный, скучный, простоватый, глуповатый, нерасторопный’, на сев. и вост. ‘веселый, разгульный, беседливый, хлебосольный, тороватый, тчивый’, зап. ‘тихий, кроткий, смирный, ручной’ [Журавлев 2005, 451].

³¹ ССГ 9, 123.

³² Бялькевич 1970, 387.

³³ Ср. версию о заимствовании из турецк. *rahman* ‘милосердный, сострадательный’, которое восходит к арабскому [Журавлев 2005, 452]. Ср. также версии о заимствовании из древнееврейского или татарского (через турецкий из арабского) — ЭСБМ 11, 153.

врахмани), обитающем на краю света, были довольно широко распространены как в книжной, так и в устной традиции восточных славян благодаря таким сочинениям, как Хронографическая Александрия (середина XIII в.), Хроника Георгия Амартола (славянский перевод X–XI вв.), словари-азбуковники XVI–XVII вв., переведенный с латинского «Луцидариус» и особенно переводной (с греческого) апокриф «Хождение Зосимы к ра�ахманам» (древнерусские списки с XIV в.), известный и во многих устных версиях³⁴.

Однако устная легенда о ра�ахманах распространена в основном на юго-западе Украины [Агапкина 2002, 283, 570], на русско-белорусском пограничье сюжет не фиксируется. Соответственно, отсутствует здесь и характерный для Подолии, Галиции, Гуцульщины, Буковины хрононим *Рахманьский Великден* («Рахманская Пасха», приходится на Преполовение Пятидесятницы) [Там же, 281–285]. Севернее, в белорусском Полесье распространен хрононим *Навский Великден* («Пасха навий», «Пасха мертвых»), который приходится на троицкий четверг и связан с практиками поминовения предков [Там же, 283].

Таким образом очевидно, что лексема *рахманный* из смоленских говоров относится к семантическому полю «тихий, спокойный», характерному для южно- и западнорусского регионов, но не подкрепляется ни легендарным сюжетом, ни хрононимом.

Аржаница и кутейница

В фонде «Фольклор Смоленщины» АЛМ СмолГУ в записи былички из Велижского района обнаружены два редких мифонима — названия персонажей народной демонологии.

Говорят, что домовые могут жить в доме, и их никто не видит, в образе змеи. Рассказывали, был такой случай. Девка пошла жать в поле рожь. Жнет и слышит: «Скажи кутейнице, что аржаница родила». Девка вначале подумала, что ей просто почудилось. Перекрестилась и жнет дальше, и опять тот же голос говорит: «Скажи кутейнице, что аржаница родила». Страшно ей стало. Тут она бросила жать и пошла домой. Как уходила с поля, змея черная толстая переползла дорогу. Как только пришла она домой, сразу рассказала мамке то, что слышала. Только сказала последнее слово, как с кута выползает змея, похожая на ту, которую она видела в поле, и через всю хату поползла к порогу.

Старики объяснили, что это домовая змея — кутейница — поползла в гости (в навиды³⁵) к аржанице — полевой змее³⁶.

Сюжет о том, как мифологический персонаж просит человека передать весть другому мифологическому персонажу, бытует довольно широко. В зависимости от локальной традиции героями былички становятся разные локальные духи. На Смоленщине известен рассказ о том, как «полевая хозяйка» — *поляхя* — сначала указывает крестьянкам, где найти потерявшихся телят, а потом просит передать «домовой хозяйке» — *дамахе* — весть о смерти другой *поляхи*: «Скажитя, маладушички, Дамахи, што умёрла Поляха»; при получении этого известия в доме кто-то невидимый заголосил «приятным голосом» и пошел вон из избы³⁷. В велижском варианте змея-аржаница просит передать змее-кутейнице весть о прибавлении в семействе.

³⁴ Белова 2001, 216.

³⁵ Ср.: *Навида, навиды* — посещение роженицы родными и знакомыми (твер., псков., смолен.), *ушла по навидам* — СРНГ 19, 166; посещение родильницы не ранее четвертого дня, с гостинцами (псков., твер., зап.) — Даль 2, 386. На Смоленщине зафиксировано в Краснинском, Смоленском, Велижском, Демидовском районах: «Наведы, ходить (идти) в наведы — навестить с подарком роженицу — *Уся дяреуна у навиды хадила к мамки; идуть у навиды*», см. ССГ 6, 140.

³⁶ АЛМ СмолГУ. Велиж 1/6. Тетр. 5. Л. 18 (записано в 1993 г. в д. Колотовщина Велижского р-на от Игнатьевой А.К. (1926 г.р.) Ивановой О.К.). В сильно отредактированном виде и с купюрами опубликовано в: Кошелев 1997, 190.

³⁷ Добровольский 1891, 91–92.

В настоящее время трудно установить, насколько характерно для смоленской традиции имя *аржаница* применительно к полевому духу в змеином облике. По данным ССГ, имеется термин *аржаніще* ‘поле, с которого убрана рожь’³⁸, ср. в том же значении бел. могилев. *аржаніща*³⁹, а также бел. витеб. *аржаніна* ‘ржаной хлеб’, *аржаны* ‘ржаной’⁴⁰.

Что касается второго персонажа – *кутихи* (домовой змеи), то на севере России есть немногочисленные свидетельства о *кутихе* (*кутинье*) – домовом духе, обитающем под печным углом⁴¹. Согласно новгородской быличке, некто, похожий на маленького человечка, высокочив из-под стога, закричал проходившей мимо бабе: «Дорожиха, скажи кутихе, что сторожихонька померла». Когда баба рассказала об этом дома, из подполья вышло что-то черное вроде человечка с причитанием «Ой, сторожихонька!», бросило бабе новину полотна и пошло вон⁴².

Другая пара подобных мифологических персонажей зафиксирована в быличке, записанной в Крупском районе Минской области, – это сёстры-змеи *кутавіца* и *межавіца*: «Адна жыве на куце, а другая на мяжэ». Домовая змея *кутавіца* мстит человеку, убившему ее полевую сестру, задушив его⁴³.

Мат

В материалах фонда И.И. Орловского в ГАСО встретилось свидетельство еще об одном уникальном мифологическом персонаже. В 1904 г. из Сычёвского уезда Смоленской губернии в коллекцию Орловского поступила рукопись священника Алексея Скворцова «Историко-статистическое описание прихода села Милюкова⁴⁴», датированная 7 января 1874 г.⁴⁵ «Описание» Алексея Скворцова в полном объеме никогда не публиковалось и лишь частично использовалось, спустя десять лет после написания, в статье «Приход села Милюково» в № 21 «Смоленских епархиальных ведомостей» за 1884 г.⁴⁶

Рассуждая о верованиях местных крестьян, автор отметил: «Все вообще прихожане и верят и не верят в колдовство, домовых, лесовых, матов⁽¹⁾ (⁽¹⁾ – примеч. корреспондента. – О.Б.) Мат – это демонское существо, которое по-темняет ум, заводит человека на пути не туда, куда идти следовало»⁴⁷.

Рукопись Скворцова – единственный на сегодняшний день смоленский источник с упоминанием этого мифологического персонажа и его имени. В словаре В.Н. Добровольского находим лишь *мат* ‘голос’⁴⁸, ср. ‘громкий голос, крик’ (псков., смолен.); *сделаю лихим матом* ‘кричать, реветь’ (псков., смолен.)⁴⁹, а также *матыно* ‘противно’ (смолен.)⁵⁰. Сомнение в существовании

³⁸ ССГ 1, 85. Ср. также: *аржаница* ‘ржаное поле’ (твер.), ‘ржаная солома’ (псков.); *арженина* ‘ржаная солома’, *арженуха* ‘ржаной хлеб’ (Даль 1, 22) и *аржаница* – травянистое растение семейства злаков, *Heleochoea Host ex Roem.*

³⁹ Бялькевич 1970, 57 (зафиксировано в Мстиславльском районе, на могилевско-смоленском пограничье).

⁴⁰ Касьянович 1927 (2011), 24.

⁴¹ Власова 2000, 276. Ср.: *кутинья* (сев.-двин.) – по народному поверью, дух женского пола, обитающий в углу дома – СРНГ 16, 169.

⁴² Максимов 1903, 79.

⁴³ ТМКБ 5/2, 479–480.

⁴⁴ Ныне Новодугинского района Смоленской области.

⁴⁵ ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 5. Л. 80–111.

⁴⁶ См.: Каплинский 2021.

⁴⁷ ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 5. Л. 103об.

⁴⁸ Добровольский 1914, 403.

⁴⁹ СРНГ 18, 19.

⁵⁰ СРНГ 18, 29. Ср.: *мат* ‘неприятно, противно’ (perm.) – ЭССЯ 18, 10 и *мотоха* (perm.) ‘напрасная траты времени’, *мотошино* (ладож.) ‘неудобно, неловко’ – СРНГ 18, 303.

слова *мат* в значении ‘громкий голос, крик’ высказал А.Б. Страхов, подчеркнув, что оно «совершенно однородно примерам наречного употребления слова *мáтом* и, таким образом, просто не существует» и реконструировано собирателями лексики из оборотов с формой *матом* в функции наречия [Страхов 2023а, 214].

Иное дело – имя мифологического персонажа. Хронологически близкая параллель к уникальному смоленскому *мат* как обозначению демонического существа, наводящего морок на человека, обнаружилась в материалах из с. Курилово Череповецкого уезда Новгородской губернии (публикация 1893 г.): «Мат, манить, приманило – Призрак, привидение; представилось что-нибудь сверхъестественное»⁵¹.

Благодаря этому источнику *мат* как обозначение призрака (привидения) вошло в словари⁵². В.А. Меркулова сближает эти значения с рус. диал. *матить* ‘чуть-чуть виднеться, слабо отмечаться, чуть-чуть припоминаться, бредить’ (сев.-двин.), ‘надоедать, наскучивать, досаждать’ (perm.)⁵³. Более дальняя параллель прослеживается в западнославянских языках, ср. чеш. *mátat* ‘страшить, пугать’, *matoha* ‘привидение’, пол. *matać* ‘обманывать’⁵⁴.

Следует отметить также еще одно региональное (псков., смолен.) значение лексемы *мат*, связанное с представлением о недуге и близкой смерти – ‘тяжелое физическое состояние, последние дни, конец’⁵⁵; то же у Даля: ‘крайнее, гибельное положение, беда и конец’ – «Ему пришел мат, пришло дело к мату. Дожили до мату, что ни вина (ни хлеба), ни табаку!»⁵⁶.

А.Б. Страхов обосновал положение, согласно которому *мат* – это интенсивное образование (с удлинением корневого гласного) от *мотать* [Страхов 2023б, 84]⁵⁷. Именно предполагаемая связь с *мотать* (ср. *мóтом* ‘с трудом’), по мнению А.Б. Страхова, способствует пониманию мотивированности значений ‘труд, работа’ и ‘тяжелое физическое состояние; конец’ у слова *мат*: «Смотали, укатали молодца крутые горы; ходнем хаживал, набежал мат – постельке рад»⁵⁸. К этим значениям близки: *мат* ‘противно’ в функции безличного сказуемого (*мат смотреть*) и *мат* в значении ‘дурной’⁵⁹ [Там же].

В отношении значения лексемы *мат* ‘призрак, привидение’ вывод А.Б. Страхова таков: семантические отношения *мат* ‘призрак’ : *мотать(ся)* напоминают отношения *блуд* (в значении ‘нечистый дух’)⁶⁰ : *блуждать*. Данное заключение подтверждает неслучайность и мотивированность рассматриваемого нами редкого демонима *мат*, зафиксированного пока только в двух микролокальных традициях.

Таким образом, судьбу регионального смоленского демонима и персонажа, который стоит за этим именем, еще предстоит выяснить. Решению этой

⁵¹ Герасимов 1893, 381.

⁵² СРНГ 18, 20; ЭССЯ 18, 10.

⁵³ ЭССЯ 18, 10. Ср. также *матый* (безл.) ‘о состоянии нездоровья, недомогания; тошнит, мутит’ (Там же).

⁵⁴ ЭССЯ 18, 10.

⁵⁵ СРНГ 18, 19.

⁵⁶ Даль 2, 306.

⁵⁷ Ср. диал. *матáться* ‘качаться; мотать головой; кривляться; бродить без цели’, *мотáсать(ся)* ‘качать, мотать из стороны в сторону’, *мотосаться* ‘качаться; жить разгульно’, *мотошáться* ‘шевелиться’ – СРНГ 18, 21, 296, 303.

⁵⁸ СРНГ 18, 19.

⁵⁹ СРНГ 18, 20.

⁶⁰ Отметим, что *блуд* ‘злой дух, нечистая сила, леший’ на территории Смоленской области фиксируется в 15 районах из 25. См. Азим-заде 1976, 46.

загадки будут способствовать как дальнейшие архивные разыскания, так и записи живого народного слова.

В заключение хотелось бы констатировать перспективность изучения подобных языковых раритетов. «Осколки» лексического и фразеологического фонда языка традиционной культуры не только проясняют географию бытования того или иного поверья, обряда или персонажа в прошлом. Они также являются маркерами, благодаря которым современный исследователь может фиксировать границы диалектных микроареалов, уточнять географию бытования лексических единиц при утрате их этнографического контекста (например, обряда). Живое бытование на этнокультурном и языковом пограничье лексем, семантика которых связана с традиционной духовной культурой, является подспорьем в изучении «пограничных» форм обрядности и фольклорных текстов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ (АРХИВЫ)

АЛМ СмолГУ – Архив Литературного музея Смоленского государственного университета. Фонд «Фольклор Смоленщины» (г. Смоленск).

ГАСО – Государственный архив Смоленской области (г. Смоленск).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Азим-заде Э.Р. Мифологическая лексика в белорусском языке. Дипломная работа М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра русского языка, 1976. 96 с.
- Белова О.В. Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. М.: Индрик, 2001. 320 с.
- Бялыкевич І.К. Краёвы слоўнік ўсходняй Магілёўшчыны. Мінск: Навука і тэхніка, 1970. 511 с.
- Власова М.Н. Русские суеверия. СПб.: Азбука, 2000. 672 с.
- Герасимов М. О говоре крестьян южной части Череповецкого уезда Новгородской губернии // Живая старина. 1893. Вып. 3. Отд. 2. С. 374–388.
- Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978–1981. Т. 1–4.
- Добровольский В.Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. 1. СПб.: Типография Е. Евдокимова, 1891. 716 с.
- Добровольский В.Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. 4. СПб.: Типография А.В. Васильева, 1903. 720 с.
- Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь. Смоленск: Типография П.А. Силина, 1914. 1022 с.
- Каплинский В. Кладезь сельской истории (Историко-статистическое описание прихода села Милюкова Сычевского уезда Генваря 7 дня 1874 года) // [https://smolbattle.ru/threads/c-Милюково-Новодугинский-район-Смоленская-область\(2021\).69653/](https://smolbattle.ru/threads/c-Милюково-Новодугинский-район-Смоленская-область(2021).69653/). Дата обращения: 1 марта 2024 г.
- Касцяяровіч М.І. Віцебскі краёвы слоўнік (матар’ялы). Віцебск: Заря Запада, 1927 (переиздание – Менск, 2011). 372 с.
- Кошелев Я.Р. Народное творчество Смоленщины. Смоленск: Смядынь, 1997. 239 с.
- ЛАБНГ – Лексічны атлас беларускіх народных гаворак. Мінск: Фонд фундаментальных даследаванняў распублікі Беларусь, Міністэрства архітэктуры і будаўніцтва Рэспублікі Беларусь, 1993–1998. Т. 1–5.
- Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Товарищество Р. Глике и А. Вильборг, 1903. 529 с.
- МАС – Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1–4.
- Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1982. 816 с.
- СБГПЗБ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе паграничча. Т. 2. Мінск: Навука і тэхніка, 1980. 728 с.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–22); Ф.П. Сороколетов (вып. 23–42); С.А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.:Наука, 1965–. Вып. 1–.
- СС – Слоўнік Сенненшчыны / уклад. Н.М. Бунько [і інш.]. Т. 1 (А – К). Мінск: Беларуская наука, 2013. 279 с.

- ССГ – Словарь смоленских говоров / отв. ред. Л.З. Бояринова, А.И. Иванова. Смоленск: СГПИ им. К. Маркса / СмолГУ, 1974–2005. Вып. 1–11.
- СТСРР – Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 2007. 508 с.
- ТМКБ 5/2 – Традыцыйная маствацкая культура беларусаў. У 6 т. Т. 5: Цэнтральная Беларусь. У 2 кн. Кн. 2 / ідэя і агул. рэд. Т.Б. Варфаламеевай. Мінск: Вышэйшая школа, 2011. 911 с.
- Толстая С.М. Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005. 600 с.
- Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караполов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. М.: [Московский государственный лингвистический университет], 2004. 800 с.
- ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск: Беларуская навука. 1978–. 1–.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапкина Т.А. Мифopoетические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 816 с.
- Антропов Н.П. Номинации белорусской дохинальной “бороды” в картографическом аспекте // Живая старина. 2008. № 4. С. 33–36.
- Белова О.В. О «точечных» сюжетах русско-белорусского пограничья // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых даследаванняў / рэд. У.А. Лобач. Наваполацк: ПДУ, 2018. С. 160–169.
- Белова О.В. Словари «народного языка» русско-белорусского пограничья: по материалам из Государственного архива Смоленской области (начало XX в.) // Белова О.В., Мороз А.Б., Ясинская М.В. Слово устное и слово письменное в языке этнокультурного пограничья. М.: Неолит, 2023. С. 164–178.
- Вендина Т.И. Типология лексических ареалов Славии. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 692 с.
- Журавлев А.Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М.: Индрик, 2005. 1004 с.
- Страхов Александр Б. По страницам словаря русских народных говоров (замечания, поправки, соображения) // Страхов Александр Б. Очерки по восточнославянской народной лексике. Cambridge – «Palaeoslavica» – Massachusetts, 2023a. С. 171–292 (Palaeoslavica 2023. Vol. 31. No. 1).
- Страхов Александр Б. Сила слова: заложный покойник и матерная брань // Страхов Александр Б. Очерки по славянской этнолингвистике и этнографии. Cambridge – «Palaeoslavica» – Massachusetts, 2023. С. 71–84 (Palaeoslavica. 2023b. Vol. 31. No. 2).
- Толстая С.М. Культурная семантика слов. *kriv- // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. Т. 2 / редкол. Т.А. Агапкина, А.Ф. Журавлев, С.М. Толстая. М.: Индрик, 1998. С. 215–229.
- Толстая С.М. Диалектные ареалы литературных слов (Заметки на полях «Лексического атласа белорусского языка») // Толстая С.М. Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. М.: Индрик, 2019. С. 577–588.

Рукопись поступила в редакцию 27.03.2024

Рукопись принята к печати 01.08.2024

REFERENCES

- Agapkina T.A. *Mifopoeticheskie osnovy slavianskogo narodnogo kalendarja. Vesenne-letniy tsikl.* Moscow, Indrik Publ., 2002, 816 p. (In Russ.)
- Antropov N.P. Nominatsii belorusskoi dozhinal'noi «broody» v kartograficheskem aspekte. *Zhivaia starina.* 2008, № 4, pp. 33–36. (In Russ.)
- Belova O.V. O «tochechnykh» siuzhetakh russko-belorusskogo pogranich'ia, *Belaruskaje Padzvinne: vopyt, metodyka i vyniki paliavykh daslедавannia,* ed. U.A. Lobach. Navapolatsk, PDU Publ., 2018, pp. 160–169.
- Belova O.V. Slovari «narodnogo iazyka» russko-belorusskogo pogranich'ia: po materialam iz Gosudarstvennogo arkhiva Smolenskoi oblasti (nachalo XX v.). Belova O.V., Moroz A.B., Yasinskaia M.V. *Slово ustnoje i slovo pis'menoje v iazyke etnokul'turnogo pogranich'ia.* Moscow, Neolit Publ., 2023, pp. 164–178. (In Russ.)

- Strakhov Aleksandr B. Po stranitsam slovaria russkikh narodnykh govorov (zamechaniia, popravki, soobrazheniya). Strakhov Aleksandr B. *Ocherki po vostochnoslavianskoi narodnoi leksike*. Cambridge – «Palaeoslavica» – Massachusetts, 2023a, pp. 171–292 (Palaeoslavica, 2023, vol. 31, no. 1).
- Strakhov Aleksandr B. Sila slova: zalozhnyi pokoinik i maternaia bran'. Strakhov Aleksandr B. *Ocherki po slavianskoi etnolingvistike i etnografii*. Cambridge – «Palaeoslavica» – Massachusetts, 2023b, pp. 71–84 (Palaeoslavica, 2023, vol. 31, no. 2).
- Tolstaya S.M. Kul'turnaia semantika slav. *kriv-. *Slovo i kul'tura. Pamiati Nikity Il'jicha Tolstogo*, vol. 2, ed. T.A. Agapkina, A.F. Zhuravlev, S.M. Tolstaya. Moscow, Indrik Publ., 1998, pp. 215–229. (In Russ.)
- Tolstaya S.M. Dialektnye arealy literaturnykh slov (Zametki na poliakh «Leksicheskogo atlasa belorusskogo iazyka»). Tolstaya S.M. *Mir cheloveka v zerkale iazyka. Ocherki po slavianskому iazykoznaniiu i etnolingvistike*. Moscow, Indrik Publ., 2019, pp. 577–588. (In Russ.)
- Vendina T.I. *Tipologija leksicheskikh arealov Slavii*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2014, 692 p. (In Russ.)
- Zhuravlev A.F. *Iazyk i mif. Lingvisticheskii kommentarii k trudu A.N. Afanas'jeva «Poeticheskije vozzreniya slavian na prirodu»*. Moscow, Indrik Publ., 2005, 1004 p. (In Russ.)

Received on 27.03.2024

Accepted on 01.08.2024

Информация об авторе:

Белова Ольга Владиславовна

доктор филологических наук, главный
научный сотрудник
Институт славяноведения Российской
академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-5221-9424
E-mail: olgabelova.inslav@gmail.com

Information about the author:

Olga V. Belova
DSc. (Philology),
Principal Research Fellow
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-5221-9424
E-mail: olgabelova.inslav@gmail.com